

РИТА

Завтрак накрыт. Я подлетаю к кухонному шкафу и быстро, пока мама не успела ничего проворчать, беру горсть мармеладов. Красные, желтые, зеленые, посыпанные сахаром, они приятно липнут к ладони. Солнце пробивается яркими лучами сквозь шторы и бросает блики на стол. Я не могу удержаться, достаю из сумки телефон и фотографирую. Чашка кофе: моя и Питера — чуть вошла в кадр. Тарелка с хлопьями, бутылка молока. Высыпаю рядом сахарные мармеладки. Скатерть с маленькими незабудками и лучи солнца как две параллельные дорожки на поле.

— О боже! — Папа закатывает глаза. — Ты никогда не прекратишь это!

Мы смеемся. Я переключаю камеру на телефоне, вытягиваю руку и делаю селфи чуть сверху, чтобы захватить свое желтое платье в белый горох, такое же легкое и яркое, как сегодняшний сентябрьский день.

Пока публикую фото в инстаграме*, к завтраку спускается мой брат Питер.

Мы двойняшки. Он родился на несколько минут раньше. Он классный. Добрый, отзывчивый и ни разу не отказывал

* Организация, деятельность которой признана экстремистской на территории Российской Федерации.

мне. А так как он всегда был объективно сообразительнее во всем, что касалось школьных предметов, обращалась я к нему часто.

— Привет, дорогой, — расплывается в улыбке мама.

— Доброе утро, — папа делает жест рукой.

— Доброе, — отвечает Питер ровным голосом.

Я машу ему и тоже улыбаюсь. Он садится на свое место. За последние два года Питер научился садиться и вообще двигаться так, чтобы мы видели только одну сторону его лица. Вернее, чтобы не видели ту, которая пострадала при несчастном случае. Он всегда немного вполоборота, всегда как будто отворачивается или смотрит в сторону. Он так наловчился, что мы можем несколько дней кряду даже не вспоминать, что у Питера вместо правой стороны лица уродливый ожог. Вернее было бы сказать, у Питера вообще нет половины лица. Несчастный случай. Так мы договорились называть то, что произошло, — Питер сам настоял, чтобы ничего, кроме «несчастный случай», никогда не проносилось. Хотя мы почти не говорим об этом. Уж точно никогда не говорим об этом с Питером.

Мы переехали в Аннаполис из Бостона в начале июня, и мне было невероятно одиноко до школы. Мне хотелось купаться, сидеть на берегу, бегать по пляжу. Хотелось бродить по набережным и пирсам. Берег здесь изрезан заливами и крошечными бухтами. Если смотреть на карту, то частные пристани для катеров похожи на зубчики старой расчески, выпирают то тут, то там. А когда идешь вдоль них, ничего такого не видно — просто обычные яхты. Еще мне очень хотелось перебраться на другую сторону моста Чесапик Бэй. Вообще правильное название — мост имени Уильяма Престона Лейна — младшего, но так его никто

не называет. Просто Чесапик Бэй. Не путать с тем, у которого есть тоннели. Но не сложилось — родители занимались переездом и, естественно, втягивали во все домашние дела меня. Сначала часть коробок застряла где-то под Филадельфией, и папа обрывал телефоны компании-перевозчика. Потом вместе с нашими коробками приехали чужие, нам пришлось искать хозяев и отправлять груз обратно. Потом мама задумала переставить мебель, и началась невероятная движуха. Диван — к окну. Да нет, к другому. Рядом — лампа, картину — на стену. Да нет, не на ту. Да нет, не ту картину. Шкафов в кухне оказалось недостаточно для всей нашей посуды, и пришлось вызывать плотника, чтобы он снял мерки и сделал еще парочку. Цвет новых шкафов не совпал с теми, что висели на кухне, и пришлось подбирать краску и перекрашивать все. В общем, переезд длился прямо до конца августа, а потом на крыльце треснула доска. Папа — доктор философии и никогда не держал в руках топора или пилы, так что опять пришел плотник. Теперь одна доска на заднем крыльце так и светится, выбиваясь из общего потертого фона.

Новый дом с терракотовой черепичной крышей и широким крыльцом раза в два больше того, что был у нас в Бостоне. Газон после стрижки обнажил проплешины и залысины, но совершенно их не стеснялся и даже гордо поблескивал на солнце, подмигивая каплями из поливального шланга.

Поначалу все выглядело немного заброшенным, в основном из-за веток, сложенных горой на заднем дворе. Папа купил измельчитель, чтобы разобраться с ними. Он даже позвал Питера помочь ему, но куда там — брат ни за что не выйдет даже на крыльцо. Так что ветки до сих пор лежат там бесформенным шалашом.

От нас до Балтимора около часа езды на машине. В Балтиморе Питеру должны сделать очередную операцию. Хороший доктор, говорят. Хорошая клиника. Да и было просто необходимо сменить обстановку, потому что там, где мы жили раньше, все слишком много знали. Все знали всё, честно говоря, и «несчастный случай» не очень-то прокатывал. Люди смотрели на Питера с жалостью, потому что газеты раструбили о том, что произошло, и брата это страшно бесило. Нас всех бесило, ведь взгляды были такими очевидными — не скрыться. А соседские мальчишки, эти мелкие дрянные засранцы, всё норовили заглянуть к нам в окна, чтобы увидеть Питера. Ух, как же они меня раздражали!

Здесь мы поселились в пригороде. По своим университетским связям папа нашел Питеру лучших преподавателей для дистанционного обучения, и, по-моему, брат уже давно оставил позади школьную программу. Он постоянно за книжками. Перелопатил всю отцовскую библиотеку — часть ее из бостонской гостиной переехала прямиком в его здешнюю комнату. И вот в новой берлоге Питера книги уже не умещаются на полках и лежат на полу башенками.

Школа Броднек классная. Спустя пару недель после начала учебного года у меня уже появилась подруга. Памела Кастлрой, яркая блондинка, звезда школы, подошла на третий день и спросила, есть ли у меня аккаунт в инстаграме*. Я ответила, что, конечно, есть, и мы подписались друг на друга. «Ты не теряйся тут, — сказала тогда Памела. — Я тебя со всеми познакомлю». И она сдержала обещание.

* Организация, деятельность которой признана экстремистской на территории Российской Федерации.

Тим Портер. Высокий красавчик с фигурой как у спасателя из сериала, с коротко стриженными волосами цвета подпаленной скорлупы жареного каштана. Квотербек и капитан школьной футбольной команды. Авторитет и безоговорочный лидер. Он с интересом поглядывает в мою сторону. Как-то на перемене, когда он со свойственной ему небрежностью закидывал учебники в рюкзак, я сфотографировала его. Думала, не заметит, но он поймал мой взгляд и подмигнул. На уроках он опрятный и примерный, на тренировках — напористый и активный. Можно с ума сойти, наблюдая, как они с парнями носятся по полю под свистки и громкие команды тренера.

Джерри Ланкастер, друг Тима. Тоже футболист, центральной лайнмен. На нем рубашки просто трещат — такой он накачанный. А рубашек у него... Кажется, они ни разу не повторялись. И улыбка широченная, во все зубы. Памела говорит, он по полчаса вертится перед зеркалом, прежде чем выйти куда-то.

Еще один друг Тима и товарищ по команде Осборн Квинс. Его кожа словно растопленный шоколад. Серьга в ухе — как у знаменитых рэперов, серебряный браслет на запястье. Осборн всегда носит кроссовки. Даже с брюками и рубашками. Шутит, что его стопа создана для спорта. Он невероятно позитивный, всегда с улыбкой и каждое утро с новой шуткой.

В школе Броднек все ученики носят строгую одежду: парни — рубашки и брюки, девочки — юбки до колен и блузки. Все придерживаются спокойных тонов, все выглядят как одно целое. Кроме Шона Фицджеральда. Машины на парковке тоже примерно одного уровня. Чистые, не то чтобы очень дорогие, но и не колымаги. Все аккуратно выстроены в шеренги. Все, кроме машины Шона Фицджеральда. Ярко-

синяя «Шевроле» словно выпрыгивает из потока. «Ого!» — Когда вижу ее, буквально рот открываю. «Чья это?» — спрашиваю Памелу. Но она только качает головой и машет рукой. Мы обходим машину спереди, и у меня мурашки пробегают по спине. Правая сторона просто разодрана — как побывавший в стиральной машине кусок картона. Дверь вмята, стекло покрыто трещинами, краска содрана. Хозяин такой тачки должен был сразу побежать в автосервис, но Фицджеральду, похоже, наплевать. Он входит в кабинет всегда одним из первых, а выходит последним. Я бы никогда даже не узнала его имени, если бы не спросила у Памелы, потому что к нему никто не обращается. Он как пятно на картине класса. Вечно в потертых джинсах и толстовках с капюшоном. Черные, серые, с надписями на спине. Даже в сентябре, который выдался довольно жарким, когда все парни модно закатывали рукава у рубашек, этот не вылезал из своих толстовок. Потертый красный рюкзак всегда перекинут через плечо. Шон ни с кем не здоровается, не разговаривает, ходит опустив голову. Он как будто хочет быть незаметным, но его внешность бросается в глаза. Рыжий, с веснушками по всему лицу, рассыпанными, как звезды по небу. Но не за городом, где звезд слишком много, а скорее на окраине мегаполиса. Волосы его коротко стрижены и всегда растрепаны, словно он расчесывает их разве что собственными пальцами. Я спрашивала несколько раз у Памелы и других девчонок, что с ним не так, но все лишь пожимают плечами и вздыхают, то ли с жалостью, то ли не желая о нем говорить. Этот Фицджеральд, видно, не очень-то приятный тип, раз никто ему даже руки не подает.

ПИТЕР

Из маминого любимого сервиза разбилась одна тарелка. Выскользнула, когда они с Ритой выставляли их из коробок в шкаф, освобождая от бумаги. Папа порезался, когда открывал канцелярским ножом измельчитель веток. Это была одна из первых покупок, потому что веток на заднем дворе — целая куча. Почти все лето мы непрерывно наводили порядок и раскладывали вещи.

Мои коробки приехали первыми. Книги прибыли чуть позже, когда я уже успел расставить и прибить все полки. Целая стена полностью занята книгами — от пола до потолка. К августу дом был готов. Началась наша новая жизнь.

Думаю, сложнее всего приходится Рите. Новая школа, новые друзья. Но она умница — люди сами к ней тянутся. Она справится. Весь сентябрь сестра была как на иголках, но к концу первого учебного месяца стало легче. Я чувствовал это в каждом ее движении, в том, как она приходила из школы и либо тяжело опускалась на диван в гостиной, либо взлетала по лестнице в свою комнату.

Сегодня папа подходит ко мне с просьбой. Он знать не знает, что делать с этим измельчителем, но гора веток на заднем дворе такая огромная, что даже доктора философии толкает на садовые работы.

— Поможешь мне, Питер? — Он кивает на заднюю дверь.

Я отрицательно мотаю головой. Никогда и ни за что я не выйду из дома. Я сто раз говорил. Даже на задний двор.

— Боюсь, один не справлюсь, — вздыхает папа. — Вообще не представляю, как их все переработать...

Я пожимаю плечами.

— Пойду в своей комнате уберусь, — говорю.

Я переставляю книги каждые две недели. Можно расставить по размеру, чтобы они тянулись ровными рядами. Можно по темам, по алфавиту или по цветам. Медленно вынимаю книги с полок, складываю в стопки, потом начинаю разбирать. Прочитанные поставлю выше. Научные — на полки ближе к столу. Физика, математика, химия. Толстые биографии определяю отдельно. Леонардо да Винчи, Архимед, Стив Джобс, Бенджамин Франклин, Альберт Эйнштейн. Нет, лучше по алфавиту. Или по годам жизни? Часть книг не помещается на полках. Их складываю стопками в углу. Еще несколько больших энциклопедий и подарочных альбомов о лошадях. Рассматриваю их, провожу рукой по обложкам. На одной — фотография гнедого арабского скакуна и золотое тиснение. Ее мне подарили за победу в соревнованиях округа. Там внутри, на форзаце, есть даже памятная надпись. Но я не открываю книгу. Надо бы вообще все их убрать подальше. Может, продать на e-bay? А может, выбросить? Жокейский шлем, седло и прочую экипировку я же продал. Так к чему хранить эти альбомы? Хотя, подписанные, они, наверное, никому не нужны. Убираю их под кровать — с глаз долой. Кубки и победные статуэтки остались под кроватью в нашем старом доме в Бостоне.

Расстановка книг успокаивает. Это как медитация или практики дыхания, которым меня учил мой врач. Тогда, после первой операции, я стал задыхаться. Не из-за нехват-

ки воздуха, а от слез. Я так ревел, когда меня никто не видел, что в прямом смысле захлебывался. Зажимал рот подушкой. Чувствовал прикосновения ткани к своему лицу, отбрасывал подушку. И рыдал еще сильнее. Никто никогда не видел этого. Сейчас такого уже не случается. Я не привык, конечно, — просто слезы, наверное, кончились. К тому, каким я стал, невозможно привыкнуть. Можно просто приучить себя не смотреть. И я не смотрю.

— Может, съездим на пляж? — спрашивает за ужином Рита. — Может, в выходные? — Она смотрит на папу, а папа переводит взгляд на меня.

— Можете ехать, — отвечаю.

— Ну Пи-и-итер! — тянет Рита и делает жалобные глаза.

Только она умеет сделать такие глаза, что, спорю, лидер Северной Кореи выпустил бы всех заключенных из лагерей, увидь он этот взгляд. На меня это безоговорочно действовало раньше. Теперь — нет.

— Рита! — обрываю.

Ну все же знают, что я не выхожу. Все всё знают и периодически пытаются что-то предложить. Как будто я забуду, что ли? Ах да, конечно, поехали на реку, а потом ходим в кино, прогуляемся, накупим всякой всячины, посидим в КФС. Ой, простите, я же совсем забыл, что я урод и все вокруг будут тарашиться на меня, дети будут показывать пальцем, родители — одергивать их и шипеть, что так нельзя. А потом будут жалеть, охать и стыдливо отводить глаза. Нет, ничего я не забыл.

ШОН

Возвращаюсь домой из школы. Открываю дверь. Рюкзак сползает с плеча. Волоку его за собой на второй этаж. В комнате стягиваю кеды, бросаю толстовку на кровать. Осень в этом году жаркая. Вообще с погодой творится черт знает что. Иногда думаю, лучше бы согласился на переезд, когда папа предлагал. Умотали бы куда-нибудь на север, в Массачусетс, или в Мэн, или вообще на Аляску. Так далеко папа бы, конечно, не согласился, хотя Аляска было бы самое то. Но мы остались, а теперь уж папа и слушать меня не станет.

— Шон, милый. — Мама быстро поднимается по лестнице и подходит к моей комнате. — Как дела в школе?

— Как всегда, — отвечаю, не глядя на нее.

— Что-нибудь будет в честь Хэллоуина?

— Ага, — бурчу, — наряжусь в самого себя и пойду на кладбище...

— Шон... — Мама качает головой.

— Что?

— Не говори так!

— Ладно, не буду.

— Сейчас папа вернется. Пойдем ужинать?

Не хочу спускаться и сидеть с родителями за столом. Им это особого удовольствия не доставит, поэтому отвечаю:

— Нет.

— Нам тебя так не хватает, Шон, — вздыхает мама и окидывает взглядом мою комнату.

А комната у меня — полный бардак. Книги, учебники свалены у стола в стопки, которые напоминают съезд пизанских башен. Часть одежды — на стуле возле шкафа, стол и подоконник завалены обрезками бумаги, чертежами, тюбиками клея, готовыми и неполучившимися деталями бумажных макетов зданий. Тут же карандаши, линейки, кисточки, вымазанные белой гуашью, и баночки с краской. Спортивный инвентарь и смятые старые плакаты мама не видит — они под кроватью. В углу один на другом громоздятся готовые архитектурные макеты. Дом в викторианском стиле давит на крышу американской закусочной, полукруг стадиона выглядывает из-под Эмпайр-Стейт-Билдинг.

— Может, уберешься, а то как-то у тебя неопрятно... — Мама пытается улыбнуться, но выходит устало.

— Да ладно, нормально, — говорю и кидаю рюкзак прямо на макеты. Они глухо хрустят.

— Зачем ты так, Шон! — Мама поджимает губы и качает головой. — Такие красивые! Мне они очень нравятся...

— Да фигня.

После ужина, уже поздно вечером, когда родители смотрят телик вниз, спускаюсь перекусить.

— Поешь нормально, Шон, — говорит мама. — Там, в холодильнике, курица и салат.

— Угу, — киваю.

Когда отламываю крылья у запеченной курицы, в кухне появляется папа. Хоть и не вижу, узнаю по шагам. И еще по тому, что за секунду до него в комнату всегда входит разочарование.

— Как в школе, сынок? — спрашивает он, и разочарование злобно ухмыляется, развалившись на стуле.

— Как всегда, — отвечаю.

Папа молчит сначала. Потом говорит, что мама сегодня приготовила обалденно вкусную курицу. Глупо так — мама всегда готовит обалденно. Потом папа замечает с деланой непринужденностью, что они оставили мне мои любимые крылья. Тоже глупо — с детства ем у курицы только крылья. И опять повисает пауза. В общем, отца можно понять — не о чем ему особенно со мной разговаривать, а у него же вроде как родительские обязанности и все такое. Он приличный воспитанный человек и не может просто так взять и выставить меня из дома.

— Я тут подумал, Шон, — он кладет руку мне на плечо, и меня передергивает, — может, как в старые времена, по-возимся с машиной, а?

— Не надо делать вид, что тебе приятно со мной, — отрезаю.

— Ну что ты, сынок...

— Не надо, пап! — повышаю голос. — Ничего не надо, ладно?

Вытаскиваю тарелку с крылышками из микроволновки, накладываю салат и быстро иду к себе.

— Мы все еще можем отдать твою «шевроле» в ремонт! — кричит папа мне вслед.

Звучит как будто «мы все еще можем отдать в ремонт тебя».

Помню, этим летом, Четвертого июля, родители решили устроить праздник. Вроде как показать, что у нас все в порядке, что мы по-прежнему настоящая счастливая семья и не разучились за прошедший год радоваться жизни. По-

звали друзей, родственников. Набралась целая лужайка народу. Пили мамину маргариту и ели папины хот-доги. Все, кроме меня. Младший Фицджеральд теперь ведь не вписывается в семейный портрет. Но мне захотелось пить, жажда заставила отлипнуть от макетов и спуститься на кухню. Папа, понятное дело, не знал, что на горизонте появились лишние уши. Он стоял с дядей Роном на заднем дворе, и через открытую дверь до меня долетели обрывки их разговора.

— Боюсь, его уже не починить, — выдохнул отец.

Мне даже показалось, что папа говорит о катере, но катер мы продали. Может, о копировальном автомате у себя в офисе?

— Не стоит отчаиваться, — ответил дядя. — Все еще может наладиться, Кларк. Время лечит.

Тут стало ясно, что копировальному автомату время на пользу точно не идет. Конечно, они говорили обо мне.

— Мне иногда кажется, что становится только хуже, — тяжело выдавил из себя папа. Голос у него был тихий, как будто охрипший или уставший. — Не знаю, как будто время работает против нас.

Можно было послушать дальше, но не хотелось нарушать атмосферу.

Да уж, если бы были мастерские по ремонту сыновей, папа бы годовую зарплату не пожалел. А теперь ему просто приходится делать вид, что он меня по-прежнему любит. Когда в конце прошлого учебного года случилась эта авария, когда разворотил себе всю бочину, папа на меня так посмотрел, будто это было специально, чтобы его позлить. На самом деле нет, конечно. Он думает, что все мои мысли только о том, как бы разочаровать его. Но, во-первых,

больше, чем есть, разочаровать уже невозможно. Просто у разочарования, как и у всего, есть предел, и в нашей семье он достигнут. Тогда накрыло очередным срывом, и, чтобы ничего с собой не сделать, поехал в поле, стал гонять там и врезался в дерево. Потом меня опять потащили к психологу. Ну, ведь на огромном поле дерево было одно, и только идиот вроде меня мог врезаться в него.

РИТА

Тридцать первого октября у Питера день рождения. Тридцать первого октября у нас с Питером день рождения, поэтому я пропускаю Хэллоуин и после уроков спешу домой. Как бы мне хотелось куда-нибудь выбраться, как раньше. В ресторан, или в кино всей семьей, или хоть просто в занятый «Макдоналдс» на шоссе Блу Стар Мемориал. Каждый Хэллоуин для нас всегда был двойным праздником. Днем мы бегали с друзьями, нарядившись в костюмы, и запугивали соседей, вымогая сладости, а вечером смывали краску с лиц и отправлялись с родителями в ресторан или оставались дома и принимали гостей. Наш день рождения всегда был пропитан ароматами корицы, тыквенного пирога и карамельных яблок в шоколадной глазури с разноцветной посыпкой. Мама по-прежнему пытается поддерживать эту атмосферу, но сказочные ароматы не радуют Питера. Из карнавальных костюмов мы выросли, а после несчастного случая даже радость дня рождения испарилась. Но особенно сейчас мне очень хочется, чтобы все стало как прежде. Я надела бы свое любимое платье, и мы пошли бы праздновать. Мы бы считали оранжевые тыквы по дороге, угадывали наперегонки костюмы ряженых детей, дополняя нашу личную энциклопедию монстров. Мы бы сидели в центре зала лучшего ресторана, и смеялись бы, и травили

анекдоты, и выслушивали мои постоянные капризы, и Питер бы морщился нарочито недовольно, папа бы бесконечно шутил, а мама задавала бы мне вопросы. Потом мы бы говорили о Питере, о том, какой он умница, и какие делает успехи в учебе, и как ему все пророчат федеральную стипендию и блестящую карьеру. Наверняка у него была бы девушка, и мы стали бы говорить, какая она красавица, а Питер бы только отмахивался. Но ничего этого не будет. Питер ни за что не выйдет из дома и уж тем более не пойдет в общественное место. Он вообще теперь не любит праздники и застолья. Но от семейного ужина ему не отвертеться.

— Куда ты убегаешь? — спрашивает Памела, когда мы стоим у шкафчиков. — У тебя же день рождения!

— Да, — говорю, — и у брата.

А эти шкафчики, яркие, желтые, на них так легко зависнуть. Они образуют идеальную перспективу, протягиваясь с двух сторон вдоль стен коридора. Если не заглядывать внутрь, то может показаться, что и ученики старшей школы Броднек такие же одинаковые, как их шкафчики.

— Да, но ты так и не сказала, — продолжает Памела, как будто хочет подловить меня на чем-то, — почему твой брат не выходит из дома.

— По здоровью, — отвечаю. — Говорила. После несчастного случая он не выходит.

— Что с ним?

— Да так...

— Он симпатичный?

— Перестань!

— Что «перестань»? — Памела надувает губы. — Ты-то красотка. А он не может ходить, да?

— Вроде того.

Как же мне хочется переменить тему. Или залезть в один из шкафчиков и отсидеться там, пока приступ любопытства у Памелы не сойдет на нет. Не хочу говорить ни с кем о Питере. Это вообще не их дело. Не выходит и не выходит. Почему всегда у всех несчастный случай вызывает столько вопросов! Разве мы переехали сюда не для того, чтобы избежать их? Достāju телефон, чтобы отвлечься.

— Ты что, собралась фоткать шкафчики? — Памела в недоумении.

— А что, интересно, — отвечаю, — сделать такой проект: фотографировать шкафчики снаружи и внутри. Представляешь, как у всех внутри все по-разному! Это же целый мир, отражающий хозяина. Вот у тебя, например, что там?

— Да оставь ты эти шкафчики в покое! Может, познакомишь нас как-нибудь? — Памела просто вгрызается в меня своими голубыми глазами.

— С кем?

— С твоим братом! — Она недовольно выдыхает, как будто я полная дурочка и ничего не понимаю. — Мы же подруги.

Я уже готова сказать ей: «Ладно, как-нибудь познакомлю», — но меня спасает Тим. Подходит к нам, облокачивается о выступ стены. Он после тренировки, и футболка так обтягивает его бицепс, что я просто оторваться не могу, все смотрю и смотрю на него.

— Хватит болтать о всякой ерунде, — прерывает Тим наш разговор, хотя понятия не имеет, о чем мы говорили.

— Почему о ерунде! — возражает Памела. — Я, между прочим...

— Между прочим, — беспардонно перебивает Портер, — у меня скоро день рождения и вы приглашены на вечеринку. Ты же придешь, Рита?

Я киваю, смущенно расплываясь в улыбке.

Тим достает из кармана телефон.

— Нет, ну вы такие красотки! — Он втискивается между нами и вытягивает руку перед собой. — Давайте для моего инстаграма!* — Он быстро делает фото и утыкается в экран.

— Дай посмотрю, как я получилась! — прошу, и он показывает.

— Ты красотка! — смеется Тим, нажимает «Поделиться», машет нам и убегает в сторону спортзала.

— Он на тебя запал, — говорит Памела, когда Портер уходит.

— Думаешь?

— А ты не видишь! — улыбается она.

Мне приятно это слышать. Можно ли желать большего, особенно если ты новенькая.

С трудом мне все же удается отлепиться от Памелы. Вернее, отлепить ее от меня.

* Организация, деятельность которой признана экстремистской на территории Российской Федерации.